

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2024.14442

EDN: KNUECD

Образ снега в цикле рассказов В. А. Никифорова-Волгина «Детство»

Е. Л. Сузрюкова

*Новосибирская православная духовная семинария
(г. Обь, Российская Федерация)*

*Новосибирский государственный технический университет
(г. Новосибирск, Российская Федерация)*

e-mail: sellns@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена семантика образа снега — одного из сквозных образов цикла рассказов «Детство», открывающего первую книгу В. А. Никифорова-Волгина «Земля-именинница». Снег для автора, как и для поэтов-эмигрантов, покинувших Россию после революции 1917 г., является символом утраченной родины. В то же время в анализируемых текстах прозаика присутствует как мифопоэтическая традиция бытования образа снега, соотнесенная с природным циклом смены сезонов, так и традиция библейская, задающая коннотацию сакральности. Снег в цикле «Детство» подвержен метаморфозам: он превращается в лед, сосульки, воду, свидетельствуя о приближении весны и Пасхи. Появление снега в цикле рассказов сопряжено с наступлением духовной весны — Великого поста. Образ снега многозначен: если в рассказе «Причашение» таяние снега уподобляется смерти, то в последнем рассказе «Серебряная метель» с его помощью вводится мотив возрождения, связанный с пасхальной семантикой. Пасха — центральное событие цикла. Благодаря образу снега последний рождественский рассказ произведения оказывается также соотнесенным с доминирующей здесь темой Воскресения Господня. Образ метели в цикле «Детство», сопрягающийся с образом снега, появляется в последнем рассказе. Метель у В. А. Никифорова-Волгина — один из символов Рождества Христова, наделенный семантикой радости, праздничности. Динамичность образа снега в рассказе «Серебряная метель», завершающем цикл, подчеркивает смысл обновления, в нем заложенный: Рождество для писателя — начальная точка пути Бога в мире к Светлому Воскресению.

Ключевые слова: В. А. Никифоров-Волгин, русское зарубежье, снег, Пасха, сюжет, семантика, Православие

Для цитирования: Сузрюкова Е. Л. Образ снега в цикле рассказов В. А. Никифорова-Волгина «Детство» // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 4. С. 254–272. DOI: 10.15393/j9.art.2024.14442. EDN: KNUECD

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2024.14442

EDN: KNUECD

The Image of a Snow in the “Childhood” Cycle of Short Stories by V. A. Nikiforov-Volgin

Elena L. Suzryukova

Novosibirsk Orthodox Theological Seminary

(Ob, Russian Federation)

Novosibirsk State Technical University

(Novosibirsk, Russian Federation)

e-mail: sellns@mail.ru

Abstract. The article examines the semantics of the image of snow — one of the pervasive images of the “Childhood” short story cycle, which opens the first book by V. A. Nikiforov-Volgin “The Birthday Girl Earth.” Snow for the author, as well as for the emigrant poets who left Russia after the 1917 revolution, is a symbol of the lost homeland. At the same time, the analyzed texts of the writer comprise both a mythopoetic tradition of the image of snow, associated with the natural cycle of changing seasons, and a biblical tradition that implies the connotation of sacredness. In the “Childhood” cycle, snow is subject to metamorphoses: it turns into ice, icicles, and water, indicating the coming spring and Easter. The appearance of snow in the cycle of stories is associated with the onset of spiritual spring — Lent. The image of snow is multi-meaningful: if the melting of snow in “Communion” is likened to death, then in the last story “Silver Blizzard” it is used to introduce a revival motif associated with Easter semantics. Easter is the central event of the cycle. Thanks to the image of snow, the last Christmas story is also correlated with the dominant theme of the Resurrection of the Lord. The image of a snowstorm, integrated with the image of snow, appears in the last story of the “Childhood” cycle. The blizzard for V. A. Nikiforov-Volgin is one of the symbols of the Nativity of Christ, endowed with the semantics of joy and festivity. The dynamism of the image of snow in the “Silver Blizzard,” which completes the cycle, emphasizes the meaning of renewal that is embedded in it: Christmas for the writer is the starting point of God’s path in the world to a Bright Resurrection.

Keywords: V. A. Nikiforov-Volgin, Russian abroad, snow, Easter, plot, semantics, Orthodoxy

For citation: Suzryukova E. L. The Image of a Snow in the “The Childhood” Cycle of Short Stories by V. A. Nikiforov-Volgin. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2024, vol. 22, no. 4, pp. 254–272. DOI: 10.15393/j9.art.2024.14442. EDN: KNUECD (In Russ.)

Как отмечает М. Эпштейн, «снег 1817 года, описанный Вяземским, был *первым* в новой русской поэзии (у Державина и Жуковского есть отдельные строки, но нет цельной картины)» [Эпштейн: 170]. В творчестве П. А. Вяземского исследователь связывает образ снега с обилием света зимой: «В самое холодное время года, когда солнце всего дальше, оно оказывается и всего ближе — благодаря снегу, возмещающему отток тепла притоком свечения» [Эпштейн: 171]. Совершенно противоположный по семантической нагрузке образ снега характерен для лирики А. А. Блока: М. Эпштейн указывает, что блоковский снегу «свойственны мрак, чернота: он [снег] дан у него [поэта] исключительно в ночной ипостаси, слит с мраком ночного неба» [Эпштейн: 179]. Если снег в стихах А. С. Пушкина и П. А. Вяземского сопряжен, по мнению ученого, с динамикой, мотивами пробуждения и движения («Россиянин потому и любит зиму, что сильнее ощущает в ней свое присутствие — живого в царстве сна...» [Эпштейн: 175]), то, в лирике А. А. Ахматовой, как считают С. В. Бурдина и О. А. Мокрушина, он наделен, как и прочие образы «зимнего» ряда, преимущественно «символической гибельности, обреченности» [Бурдина, Мокрушина: 96]. Возможна и достаточно широкая трактовка значения данного образа, которую находим у А. Г. Масловой и А. С. Фалеевой применительно к лирике Б. Пастернака: «Снег в лирике Б. Л. Пастернака символизирует жизнь во всех ее проявлениях, так как и сама снежная стихия может представлять в различных формах: от колющих льдинок, подчеркивающих холод и враждебность, и разрушающего бурана, символизирующего стихию, не поддающуюся смирению, до мягких целительных хлопьев, создающих атмосферу уюта, любви, небесной защиты» [Маслова, Фалеева: 72].

Особое значение данный образ в русской литературе XX в. имеет вследствие революционных событий: «В первую очередь символический характер образ снега приобретает в творчестве поэтов-эмигрантов, которые вынуждены были покинуть страну после событий 1917 г. В поэтическом мире эмигрантов снег является неотъемлемой частью России...» [Морозова, Симашко: 28]. Этим смыслом наделен снег и в произведениях В. А. Никифорова-Волгина¹.

¹ Заметим, что исследования, посвященные анализу и интерпретации образа снега, затрагивают в большинстве своем лирику, а не художественную

В. А. Никифоров-Волгин, как И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, — представитель духовного реализма² в литературе. Мироззренческая основа произведений этого автора — православие.

В прозе В. А. Никифорова-Волгина сочетаются два языковых пласта: «стихия самобытной народной речи» и «церковнославянский язык, язык древней русской словесности»³ [Исаков: 338].

Н. В. Летаева называет определенные книги Священного Писания, которые автор использует в своих циклах о детстве (разумеется, цитируя их на церковнославянском языке): псалмы, «текст Второй книги Пятикнижия Моисея "Исход". В рассказе "Великий пост" автор вводит в произведение стих 2 и фрагмент стиха 1 главы 15» [Летаева, 2023: 133], а также фрагменты из книги пророка Исайи (рассказы «Серебряная метель», «Крещение», «Двенадцать Евангелий», «Тайнодействие») и евангельский текст. Как отмечает исследователь, «ветхозаветное и новозаветное слово выполняет в прозе писателя не только свое прямое назначение — создать образ церковной службы и эффект присутствия человека в ней. Писатель избирает те фрагменты книг Священного Писания, которые позволяют раскрыть эксплицитно время, изображенное в рассказах, и имплицитно время написания рассказов. В рассказах В. А. Никифоров-Волгин обращается к изображению уклада жизни в Российской империи, а пишет свои рассказы автор в годы рождения нового государства. Фрагменты Библии, вводимые автором в художественный текст, отражают, с одной стороны, глубокую,

прозу. Интересен в этом отношении тот факт, что снег в рассказе А. П. Чехова «Припадок» остался незамеченным критикой. Писатель сообщил об этом А. С. Суворину 23 декабря 1888 г.: «...описание первого снега заметил один только Григорович» [Чехов: 98]. Ю. В. Соболев обращает внимание на то, что «самое, конечно, замечательное в этом "описании" первого снега — это необычайно смелое сравнение: "Чувство, похожее на белый, молодой, пушистый снег"» [Соболев: 188]. Отметим также, что чистоте снега в названном тексте противостоит та нравственная грязь и пошлость, с которой столкнулся главный герой.

² О термине «духовный реализм» см. работу А. М. Любомудрова: [Любомудров: 34–39]. И. А. Казанцева и С. П. Бельчевичен отмечают, что «для В. А. Никифорова-Волгина метод духовного реализма был органичен на всем протяжении его короткого творческого пути» [Казанцева, Бельчевичен: 23].

³ Подробнее о церковнославянизмах в текстах В. А. Никифорова-Волгина см.: [Осьминина, 2015, 2016].

безутешную скорбь, покаянную молитву, плач о заблудшей душе, с другой — воззвание к Богу как Спасителю и Заступнику либо прославление Бога, Его величия, красоты и могущества (как, например, во фрагменте из псалма 92 в рассказе "Тайнодействие")» [Летаева, 2023: 134].

Народная речь в рассказе писателя «Причащение», входящем в цикл «Детство», увязывается также со сферой горнего, Божьего мира: «Деревенского языка не бойся — он тоже от Господа идет!»⁴, — говорит мать рассказчика.

В Библейском словаре Э. Нюстрема символика снега трактуется следующим образом: «Снег — дар Божий (Пс. 147:5 и далее), символ чистоты и святости (Пс. 50:9, Ис. 1:18; Мф. 28:3, Откр. 1:14); сильное средство очищения (Иов. 9:30), прохлада во время жатвы (Притч. 25:13). В Притч. 26:1 летний снег является символом неуместности» [Библейский словарь: 424]. В Библейском словаре Н. Н. Глубоковского также сообщается, что снег «падает на землю из неведомых небесных пространств (Иов. 38:22; Ис. 55:10) и спадает подобно волне, птицам или саранче (Пс. 147:5; Сир. 43:19). Он — принадлежность зимы, но не лета, которому так же не свойствен, как глупому — почести (Притч 26:1)» [Глубоковский: 698]; «...проказа неоднократно сравнивается со снегом (Исх. 4–6; Чис. 12:10; 4 Цар. 5:27)» [Глубоковский: 699]. Всего же, по данным «Симфонии на Ветхий и Новый Завет», снег и связанные с ним образы встречаются в Библии 30 раз, причем 27 упоминаний содержится в книгах Ветхого Завета, а 3 — в книгах Завета Нового⁵.

В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» «снег — символ чистоты, белизны, богатства, изобилия», «как непостоянная субстанция (ср. загадку о снеге: "Зимой горою, весной водою") — может служить предвестием изменений в природе и жизни человека» [Плотникова: 83–84].

⁴ Никифоров-Волгин В. А. Земля-имениница. М.: Ставрос, 2004. С. 22. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Никифоров-Волгин, 2004* и указанием страницы в круглых скобках.

⁵ Симфония на Ветхий и Новый Завет. СПб.: Библия для всех, 1994. С. 1115.

Как видим, такие характеристики снега, как чистота и значение атрибута зимы, присутствуют и в фольклорной, и в библейской традициях. Есть эта символика и в рассказах В. А. Никифорова-Волгина. К примеру, в рассказе «Канун Пасхи» упоминаются «снеговые занавески» на окнах вместе с «длинным, петушками вышитым полотенцем» (*Никифоров-Волгин, 2004: 37*), висящим на праздничной иконе. Эпитет «снеговые» в обозначенном контексте указывает на белизну и чистоту занавесок, свидетельствует о тщательной подготовке живущих в доме к приближающемуся празднику.

В цикле рассказов «Детство» В. А. Никифорова-Волгина образ снега появляется в первом абзаце первого рассказа, проходит через ряд других рассказов цикла и чаще всего упоминается именно в последнем тексте цикла — рассказе «Серебряная метель».

В рассказе «Великий пост», открывающем цикл, представлен метафорический образ снегопада, с которым сопряжено изображение утреннего колокольного звона, а также звук снега, лежащего на дороге:

«Редкий великопостный звон разбивает скованное морозом солнечное утро, и оно будто бы рассыпается от колокольных ударов на мелкие снежные крупинки. Под ногами скрипит снег, как новые сапоги, которые я обуваю по праздникам» (*Никифоров-Волгин, 2004: 3*).

Значение обновления («новые сапоги») перекликается с указанием на время действия, введенным во втором абзаце:

«Чистый понедельник. Мать послала меня в церковь "к часам" и сказала с тихой строгостью:
"Пост да молитва небо отворяют!"» (*Никифоров-Волгин, 2004: 3*).

Лежащий под ногами снег — статичный образ. В динамике снег представлен в завершении цикла, где он появляется во «вздымах» «серебряной метели»:

«В этот усветленный вечер мне опять снилась серебряная метель, и как будто бы сквозь вздымы ее шли волки на задних лапах и у каждого из них было по звезде, все они пели "Рождество Твое, Христе Боже наш"» (*Никифоров-Волгин, 2004: 69*).

Подчеркнем, что снег в цикле «Детство» включен в ряд не только зрительных, но и звуковых образов. В рассказе «Светлая Заутреня» ответ молящихся на пасхальное приветствие уподобляется очень сильному шуму:

«Священник, окутанный кадильным дымом, с заяснившимся лицом, светло и громко воскликнул: "Христос Воскресе", — и народ ответил ему грохотом спадающего с высоты тяжелого льдистого снега: "Воистину Воскресе"» (*Никифоров-Волгин, 2004: 50*).

Здесь вновь актуализирован мотив целого, распадающегося на части. Снег представлен уже «льдистым», а его падение семантически увязывается с наступлением весны, причем бурным и радостным (эмоциональная окраска задана отнесенностью к пасхальной службе).

Уже в первом рассказе цикла «Детство» мир церкви и мир природы коррелируют друг с другом в восприятии мальчика Васи, от лица которого ведется повествование:

«В церкви прохладно и голубовато, как в снежном утреннем лесу» (*Никифоров-Волгин, 2004: 4*).

Единство атмосферы, царящей в храме и в снежном лесу, на что обращает внимание рассказчик, говорит, в частности, о цельности восприятия им мира.

В рассказе «Великий пост», время действия которого — зима, присутствуют и признаки приближающейся весны:

«А кругом солнце. Оно уже сожгло утренние морозы. Улица звенит от ледяных сосулек, падающих с крыш» (*Никифоров-Волгин, 2004: 5*).

Немного раньше, через наблюдение мальчика, еще находящегося в церкви, вводится такая деталь:

«За окнами снежной пылью осыпались деревья, розовые от солнца» (*Никифоров-Волгин, 2004: 5*).

Этот визуальный образ — осыпавшиеся деревья в розовом от солнца цвете — в смысловом плане интегрирует общую картину наступающей весны, что семантически перекликается с особенностями изображения снега в лирике С. А. Есенина.

Е. Юкина и М. Эпштейн пишут об этом так: «У него [С. А. Есенина] снежинки — не иглы, не искры, не звезды, но — чаще всего — лепестки» [Юкина, Эпштейн: 189]; «...новое у Есенина состоит в том, что природа у него есть и точка отправления, и точка прибытия для сравнений: зима сравнивается с весной, снег — с цветами, метель — с падением лепестков. <...> Зима есть прекращение жизни, есть сон, забытие, но у Есенина ей подбираются такие образы и сравнения, которые возвращают ее к динамике обновляющейся природы: деревья расцветают и осыпаются, танцуют, гуляют...» [Юкина, Эпштейн: 189–190].

В текстах цикла «Детство» снег претерпевает метаморфозы: превращается в лед, сосульки и воду. В начале второго рассказа цикла «Преждеосвященная» появляется указание на время действия:

«По календарю завтра наступает весна, и я, как молитву, тихо шепчу раздельно и радостно: весна!» (*Никифоров-Волгин, 2004: 9*).

Так, посредством изображения метаморфоз снега показано течение природного времени: начинается цикл в конце зимы и завершается вновь наступившей зимой, уже рождественской. Образуется семантическое кольцо, замыкающее временной план повествования.

Центральное место в композиции цикла занимает Пасха⁶. В. А. Никифоров-Волгин продолжает в своем цикле духовную линию русской литературы, которую подробно рассматривает И. А. Есаулов: «Совершенно особенное празднование Пасхи, Воскресения Господня, как известно, является характернейшей особенностью русской культуры» [Есаулов: 23]. Исследователь отмечает, что в отечественной литературе Нового времени «Н. В. Гоголю принадлежит заслуга первому <...> отчетливо сформулировать значимость Пасхи для русского человека. В "Выбранных местах из переписки с друзьями" сама структура книги подчеркивает ее пасхальный смысл: первая ее строка — о болезни и близкой смерти — выражает ту *память смертную*, которая проходит через всю книгу, а последняя передает

⁶ Пасхальному сюжету в творчестве В. А. Никифорова-Волгина посвящен отдельный параграф второй главы в диссертации А. С. Конюховой. См.: [Конюхова: 59–77].

общее архетипическое сознание русского человека: "У нас прежде, чем во всякой другой земле, воспряднуется Светлое Воскресенье Христово!". <...> Великий пост для христианина и является своего рода паломничеством, паломничеством к Пасхе, к Воскресению Христову. Это духовное паломничество и художественно организуется автором таким образом, что последняя глава ("Светлое Воскресенье") представляет собой вершину духовного пути как автора, так и читателя, но наряду с этим является и итогом композиционной последовательности предыдущих гоголевских глав» [Есаулов: 23–24]. Цикл о детстве В. А. Никифорова-Волгина, таким образом, имеет сходную структуру с гоголевской книгой, прежде всего, в отношении выстраивания пути к Пасхе, начиная от Великого поста, однако Пасха у прозаика XX в. не завершает его текст, но остается смысловым ядром, кульминацией произведения.

Н. В. Летаева указывает на такую существенную особенность художественного мира В. А. Никифорова-Волгина: «Образ Пасхи не локализован в художественном пространстве прозы писателя в одном-двух рассказах, посвященных празднованию Пасхи. Этот образ становится одним из ключевых в произведениях Никифорова-Волгина, неким локусом, к которому движется сознание персонажей и от которого оно отталкивается, делая образ праздника центром, формирующим событийное пространство» [Летаева, 2022: 475]. В самом деле, большинство рассказов цикла «Детство» посвящены Пасхе и пути к ней через особо установленные церковные службы. Е. А. Осьминина в своей работе пишет об этом так: «Особенно подробно описан Великий пост: первый день ("Великий пост") <...> и Страстная седмица: Великий Четверг ("Двенадцать Евангелий"), Великая Пятница ("Плащаница"), Великая Суббота <...> ("Канун Пасхи" "Великая Суббота"). Описание соответствующих церковных служб составляет основное содержание всех десяти рассказов первого цикла...» [Осьминина, 2015: 218].

Именно пасхальной смысловой доминантой объясняется то, что цикл открывается не рассказом «Серебряная метель», в котором речь идет о Рождестве Христовом, а текстом, озаглавленным «Великий пост» (это эксплицитное обозначение начала пути к Пасхе), хотя с точки зрения временной протяженности

Рождество ближе к окончанию зимы, чем временной промежуток между Святой Пятидесятницей (об этом празднике говорится в предпоследнем рассказе цикла) и началом святок, чему посвящен последний рассказ цикла.

Образ снега тоже включен в пасхальный контекст. В рассказе «Причащение» повествователь сообщает:

«Под деревьями лежал источенный капелью снег, и, чтобы поскорее наступила весна, я разбрасывал его лопатой по солнечным дорожкам» (*Никифоров-Волгин, 2004: 23*).

В завершении же текста рассказа таяние последнего снега увязывается с семантикой смерти:

«И всех на земле было жалко, даже снега, насильно разбро- санного мной на сожжение солнцу:

— Пускай доживал бы крохотные свои дни!» (*Никифоров-Волгин, 2004: 27*).

Интересна при этом смысловая параллель, возникающая между Христом, идущим к Голгофе и Своей смерти на протяжении Великого поста к Страстной седмице (неслучайно, что последний процитированный нами фрагмент текста — завершение рассказа «Причащение», а следующий за ним рассказ «Двенадцать Евангелий» уже включен в структуру богослужения Страстной седмицы, предваряющей Пасху), и снегом, «умерщвленным» (в соответствии с восприятием рассказчика) солнцем. Эта «смерть» напоминает также специфику изображения этого же образа у С. А. Есенина: Е. Юкина и М. Эпштейн отмечают, что снег в лирике поэта «наделен теплотой и нежностью живой ткани» [Юкина, Эпштейн: 189].

Если рассказ В. А. Никифорова-Волгина «Земля-именинница», предпоследний в цикле, непосредственно соотнесен с пасхальной семантикой (Святая Пятидесятница празднуется на пятидесятый после Пасхи день, и ее служба содержится в книге «Цветная Триодь», открывающейся именно пасхальной службой), то рождественский рассказ «Серебряная метель», завершающий цикл «Детство», тоже может быть рассмотрен как текст, связанный с темой Воскресения Христова. Снег в этом последнем рассказе «возродился», его много, он обилен и динамичен, о чем было сказано ранее. Это символическое возвращение

в новом качестве «умершего» прежде снега в рассказе «Причащение» позволяет рассматривать весь цикл как пасхальный, причем пасхальность присутствует именно в произведении, ключевая тема которого — Рождество. В пасхальном сюжете цикла оно оказывается тем моментом, который открывает путь к Пасхе.

В «Серебряной метели» есть и «снежная пыль», и «голубые дороги» (Никифоров-Волгин, 2004: 61), и «морозные цветы» (Никифоров-Волгин, 2004: 64) (вновь растительная семантика, сближающаяся с есенинской). Снег в этом рассказе наделяется также семантикой сакрального:

«Наступил сочельник; он был метельным и белым, белым, как ни в какой другой день. Наше крыльцо занесло снегом, и, разгребая его, я подумал: "Необыкновенный снег... как бы святой! Ветер, шумящий в березах, — тоже необыкновенный! Бубенцы извозчиков не те, и люди в снежных хлопьях не те..." По сугробной дороге мальчишка в валенках вез на санках елку и, как чудной, чему-то улыбался» (Никифоров-Волгин, 2004: 64).

Образ снега связан здесь на смысловом уровне с темой преображения. Заметим, что богослужебный цвет на Преображение Господне тоже белый. О символике белого цвета в иконописи, сакральном искусстве, архимандрит Рафаил (Карелин) говорит так: «Белый — это цвет начала — домирного и довременного прошлого. Это — цвет настоящего, как присутствие Святого Духа, явления Божественной силы, динамика духа, молитвы, безмолвия и созерцания. Это — цвет конца, обетованного будущего, когда все краски станут изнутри лучистыми, светлыми и прозрачными; когда белый цвет засияет, как на Фаворе, в своей таинственной красоте. <...> белый цвет — это не белая краска, а скорее, единство цветов в их цельности и взаимопроникновении; цвет всех цветов — белый цвет — это совершенство и полнота, в этом отношении он соответствует окружности» [Рафаил (Карелин): 69]. У В. А. Никифорова-Волгина рождественский рассказ, повествование о спасении людей, с точки зрения православного вероучения, в то же время — последний рассказ цикла. Рассказы о начальной поре человеческой жизни — детстве — завершаются у прозаика на радостной, светлой,

торжественной ноте Рождества Христова. Обилие белого цвета включено в этот смысловой контекст. Выделим также присутствующую в рассказе параллель между снежным покровом на земле и литургическими цветами рождественской службы:

«Батюшка в белой ризе открыл Царские врата, и в алтаре было белым-бело от серебряной парчи на престоле и жертвеннике» (Никифоров-Волгин, 2004: 68).

Снег в рассказе «Серебряная метель» соотнесен с другим образом, присутствующим в заглавии. Исследований, посвященных значению и функционированию образа метели в русской художественной прозе, достаточно много. Метель рассматривается как «поворотный момент судьбы, некая пороговая ситуация, чреватая гибелью для героя» [Печерская, Никанорова: 75]. Это характерно для произведений А. С. Пушкина («Метель», «Капитанская дочка»), Н. С. Лескова («Пугало»), А. П. Чехова («На пути») и др. Другой вариант воплощения мотива — «мотив метели-страсти, начиная с "Анны Карениной", прочно обоснуется в русской литературе. Расцвет этой коннотации метели приходится на первые десятилетия двадцатого века и связан с творчеством А. Белого, А. Блока, Б. Пастернака» [Нагина, 2011: 31]. Кроме того, «для поэтики русской литературы XX в. изображение революционных событий в образе вьюги, метели стало традиционным (например, поэма А. А. Блока "Двенадцать", поэзия Д. Андреева и др.). Россия в этом *вихре* находилась в поиске нового пути» [Морозова, Симашко: 30]. Отметим также коннотацию inferнальности, сопряженную с образом метели⁷ («Бесы» А. С. Пушкина, «Ночь перед Рождеством» Н. В. Гоголя, «Ведьма» А. П. Чехова, «Двенадцать» А. А. Блока).

У В. А. Никифорова-Волгина наблюдается совершенно иное семантическое наполнение образа метели: метель у него — один из знаков наступающего Рождества Христова:

«Я долго стоял под метелью и прислушивался, как по душе ходило веселым ветром самое распрекрасное и душистое на свете

⁷ Этот смысловой аспект подробно разрабатывается в статье К. А. Нагиной, начиная с лирики П. А. Вяземского. См.: [Нагина, 2010].

слово — "Рождество". Оно пахло вьюгой и колючими хвойными лапками» (Никифоров-Волгин, 2004: 64);

«До Рождества без малого месяц, но оно уже обдаёт тебя снежной пылью, приникает по утрам к морозным стеклам, звенит полозьями по голубым дорогам, поёт в церкви за всенощной "Христос рождается, славите" и снится по ночам в виде веселой серебряной метели» (Никифоров-Волгин, 2004: 61).

Эпитет, выражающий эмоциональное восприятие рассказчиком наступающего события Рождества, — «веселый ветер» и «веселая <...> метель» — подчеркивает семантику праздничности происходящего. В сознании мальчика Васи, от имени которого ведется повествование в цикле, метель — радостное состояние природы, предвестие главного церковного праздника в зимнем календарном цикле. Поэтому с ней связана семантика сакральности, как и со снегом далее в тексте. Здесь трактовка образа снега у писателя сближается с библейской символикой данного образа (чистота и святость). Тема цикла «Детство», заданная в заглавии, тоже вводит семантику чистоты. Появление образов снега и метели в «сильных» позициях текста — начале и конце — тоже способствуют усилению этой семантики. Кроме того, для писателя это и чистота веры, которую хранила Россия до революции.

Есть в рассказе «Серебряная метель» и элемент озорства, характерный для святочных гуляний:

«...подставил ногу проходящему мальчишке, и оба упали в сугроб; ударил кулаком по залубеневшему тулупу мужика, за что тот обозвал меня "шудды-булды"; перебрался через забор в городской сад (хотя ворота и были открыты). В саду никого — одна заметель да свист в деревьях. Неведомо отчего бросился с разлету в глубокий сугроб и губами прильнул к снегу» (Никифоров-Волгин, 2004: 65).

А. А. Плотникова отмечает: «Снег используется в играх на **Масленицу** и **бесчинствах** в различные зимние праздники. Например, лиц, подлежащих осмеянию, забрасывают снегом...» [Плотникова: 85]. Радость, ожидание праздника переполняют рассказчика, и это состояние внешне выражается в шалостях, о которых он и повествует.

В целом же, в разных рассказах цикла снег у В. А. Никифорова-Волгина окрашен в белый, серебряный, голубой, розовый цвета; он освещен солнцем, т. е., по-видимому, также и в золотистый цвет. Все это — краски неба. Такая колористика гармонирует с центральной темой произведения — стремлением показать читателю Царство Небесное, на земле открывающееся в церковном богослужении и в жизни по вере⁸.

Итак, снег в цикле рассказов «Детство» В. А. Никифорова-Волгина выступает как элемент природного мира, маркирующий зимнее время года. Тающий снег, превратившийся в лед или воду, — признак прихода весны. В рассматриваемом цикле снег также несет в себе значения чистоты, обновления, праздничности. Наблюдения рассказчика вплетены в сюжет подготовки и встречи православных праздников, каждый из которых становится для героя событием. Так, исчезновение снега является знаком приближения Пасхи. Мотивы смерти и возрождения, сопровождающие его, отсылают к образу Христа. Колористические характеристики образа снега свидетельствуют о неразрывной связи обыденной и духовной реальности, постигаемой человеком не только через участие в жизни Церкви, но и через созерцание элементов мира видимого, указывающих на мир невидимый. Снег для В. А. Никифорова-Волгина — это и напоминание о родине, об оставшейся в прошлом дореволюционной России с ее православным укладом жизни, и память о светлом детстве с присущими ему чистотой восприятия мира и непосредственной, живой верой в Бога.

Список литературы

1. Библейский словарь: энциклопедический словарь / сост. Э. Нюстрем; пер. со швед. под ред. И. С. Свенсона. СПб.: Библия для всех, 1997. 532 с.
2. Бурдина С. В., Мокрушина О. А. О семантике образов «зимнего» ряда в поэзии А. Ахматовой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 1 (7). С. 95–99 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_13090900_13821542.pdf (19.02.2024). EDN: LAMEJN

---

⁸ Ср. у архим. Рафаила (Карелина) слова об иконописном искусстве: «Православная икона отражает небо и Божественный свет» [Рафаил (Карелин): 65].

3. Глубоковский Н. Н. Библейский словарь. Сергиев Посад; Джорданвилль (США): Свято-Троиц. Сергиева лавра, 2007. 862 с.
4. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Круть, 2004. 560 с.
5. Исаков С. Забытый писатель // Никифоров-Волгин В. А. Дорожный посох. М.: Сов. Россия, 1992. С. 330–339.
6. Казанцева И. А., Бельчевичен С. П. Православные ценности в русской прозе XX–XXI веков. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2016. Ч. 1. 188 с.
7. Конюхова А. С. Творчество В. А. Никифорова-Волгина: поэтика сюжета и типология героев: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2021. 201 с.
8. Летаева Н. В. Пасхальный хронотоп в прозе В. А. Никифорова-Волгина // Ученые записки Новгородского государственного университета. Великий Новгород, 2022. № 4 (43). С. 475–478 [Электронный ресурс]. URL: <https://portal.novsu.ru/file/1887011> (19.02.2024). DOI: 10.34680/2411-7951.2022.4(43).475-478
9. Летаева Н. В. Библейское слово в прозе В. А. Никифорова-Волгина // Филология и теология: актуальные вопросы междисциплинарных исследований: мат-лы IV Зимней всерос. науч.-практ. школы-конференции с междунар. участием «ЯЗЫК — ЛИТЕРАТУРА — ПРАВОСЛАВИЕ» (Москва, 14–16 декабря 2022 г.) / отв. науч. ред. и сост. С. В. Феликсов. М.: Перервинская духовная семинария, 2023. С. 130–137.
10. Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 272 с.
11. Маслова А. Г., Фалеева А. С. Мифопоэтика снега в лирике Б. Пастернака // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 4 (12). С. 68–73 [Электронный ресурс]. URL: https://vestnik43.ru/assets/mgr/docs/%D0%92%D0%93%D0%9E%202018/%D0%92%D0%93%D0%9E%204_2018/maslova-faleeva.pdf (19.02.2024). DOI: 10.25730/VSU.2070.18.057
12. Морозова Н. С., Симашко Т. В. Символичность образа снега в русской поэзии // Филологические заметки. 2010. Т. 1. С. 25–32 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21362468_16639535.pdf (19.02.2024). EDN: RZMIVV
13. Нагина К. А. «Метель-страсть» и «метель-судьба» в русской литературе XIX столетия // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2010. № 4. С. 12–20 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_16215720_96460702.pdf (19.02.2024). EDN: NQWBNJ
14. Нагина К. А. Траектории «метельного» текста (толстовское присутствие в творчестве Б. Пастернака) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. СПб., 2011. Т. 1. № 1. С. 31–40 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traektorii-metelnogo-teksta-tolstovskoe-prisutstvie-v-tvorchestve-b-pasternaka> (19.02.2024).

15. Осьминина Е. А. Тексты церковных песнопений в циклах «Детство», «Из воспоминаний детства» В. А. Никифорова-Волгина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. № 5 (716). С. 216–226 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/Vest15-716zc.pdf> (19.02.2024).
16. Осьминина Е. А. Церковнославянизмы в автобиографических циклах В. А. Никифорова-Волгина // Русская речь. 2016. № 2. С. 26–31 [Электронный ресурс]. URL: <https://russkayarech.ru/ru/archive/2016-2/26-31> (19.02.2024).
17. Печерская Т. И., Никанорова Е. К. Сюжеты и мотивы русской классической литературы. Новосибирск: НГПУ, 2010. 162 с.
18. Плотникова А. А. Снег // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2012. Т. 5: С (Сказка) — Я (Ящерица). С. 83–86.
19. Рафаил (Карелин), архимандрит. О языке православной иконы // Православная икона. Канон и стиль: к богословскому рассмотрению образа / сост. А. Н. Стрижев. М.: Паломник, 1998. С. 39–87.
20. Соболев Ю. В. Чехов. М.: Директ-Медиа, 2015. 501 с.
21. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1976. Т. 3: Письма, Октябрь 1888 — декабрь 1889. 578 с.
22. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 303 с.
23. Юкина Е., Эпштейн М. Поэтика зимы // Вопросы литературы. 1979. № 9. С. 171–204.

References

1. *Bibleyskiy slovar': entsiklopedicheskiy slovar'* [*Bible Dictionary: Encyclopedic Dictionary*]. St. Petersburg, Bibliya dlya vseh Publ., 1997. 532 p. (In Russ.)
2. Burdina S. V., Mokrushina O. A. On the Semantics of the “Winter” Line Images in A. Akhmatova’s Poetry. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [*Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*], 2010, no. 1 (7), pp. 95–99. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_13090900_13821542.pdf (accessed on February 19, 2024). EDN: LAMEJN (In Russ.)
3. Glubokovskiy N. N. *Bibleyskiy slovar'* [*Bible Dictionary*]. Sergiev Posad, Jordanville (USA), The Trinity Lavra of St. Sergius Publ., 2007. 862 p. (In Russ.)
4. Esaulov I. A. *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti* [*Paskhal'nost' of Russian Literature*]. Moscow, Krug Publ., 2004. 560 p. (In Russ.)
5. Isakov S. The Forgotten Writer. In: *Nikiforov-Volgin V. A. Dorozhnyy posokh* [*Nikiforov-Volgin V. A. The Road Staff*]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1992, pp. 330–339. (In Russ.)
6. Kazantseva I. A., Bel'chevichen S. P. *Pravoslavnye tsennosti v russkoy proze XX–XXI vekov* [*Orthodox Values in Russian Prose of the 20th — 21st Centuries*]. Tver, Tver State University Publ., 2016, part 1. 188 p. (In Russ.)

7. Konyukhova A. S. *Tvorchestvo V. A. Nikiforova-Volgina: poetika syuzheta i tipologiya geroev: dis. ... kand. filol. nauk* [The Works of V. A. Nikiforov-Volgin: Poetics of Plot and Typology of Heroes. PhD philol. sci. diss.]. Voronezh, 2021. 201 p. (In Russ.)
8. Letaeva N. V. Easter Chronotope in V. A. Nikiforov-Volgin's Prose. In: *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Memoirs of NovSU], 2022, no. 4 (43), pp. 475–478. Available at: <https://portal.novsu.ru/file/1887011> (accessed on February 19, 2024). DOI: 10.34680/2411-7951.2022.4(43).475-478 (In Russ.)
9. Letaeva N. V. The Biblical Word in the V. A. Nikiforov-Volgin's Prose. In: *Filologiya i teologiya: aktual'nye voprosy mezhdistsiplinarnykh issledovaniy: materialy IV Zimney vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy shkoly-konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem "YAZYK — LITERATURA — PRAVOSLAVIE"* (Moskva, 14–16 dekabrya 2022 g.) [Philology and Theology: Current Issues in Interdisciplinary Research: Proceedings of the 4th Winter All-Russian Scientific and Practical School-Conference with International Participation "LANGUAGE — LITERATURE — ORTHODOXY" (Moscow, December 14–16, 2022)]. Moscow, The Perervinsky Orthodox Theological Seminary Publ., 2023, pp. 130–137. (In Russ.)
10. Lyubomudrov A. M. *Dukhovnyy realizm v literature russkogo zarubezh'ya: B. K. Zaytsev, I. S. Shmelyov* [Spiritual Realism in Russian Literature Abroad: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2003. 272 p. (In Russ.)
11. Maslova A. G., Faleeva A. S. Myth-Poetics of Snow in the Poetry of Boris Pasternak. In: *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* [Herald of Humanitarian Education], 2018, no. 4 (12), pp. 68–73. Available at: https://vestnik43.ru/assets/mgr/docs/%D0%92%D0%93%D0%9E%202018/%D0%92%D0%93%D0%9E%204_2018/maslova-faleeva.pdf (accessed on February 19, 2024). DOI: 10.25730/VSU.2070.18.057 (In Russ.)
12. Morozova N. S., Simashko T. V. The Symbolism of the Image of Snow in Russian Poetry. In: *Filologicheskie zametki* [Philological Studies], 2010, vol. 1, pp. 25–32. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_21362468_6639535.pdf (accessed on February 19, 2024). EDN: RZMIVV (In Russ.)
13. Nagina K. A. "Snow-Storm — Passion" and "Snow-Storm — Fate" in the Russian Literature of the 19th Century. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2010, no. 4, pp. 12–20. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_16215720_96460702.pdf (accessed on February 19, 2024). EDN: NQWBNJ (In Russ.)
14. Nagina K. A. Trajectories of "Snow-Storm's" Text (Tolstoy's Presence in Works of B. Pasternak). In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. St. Petersburg, 2011, vol. 1, no. 1, pp. 31–40. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/traektorii-metelno-go-teksta-tolstovskoe-prisutstvie-v-tvorchestve-b-pasternaka> (accessed on February 19, 2024). (In Russ.)

15. Os'minina E. A. Texts of the Church Hymns in the Cycles “Childhood”, “Childhood Memories” by V. A. Nikiforov-Volgin. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2015, no. 5 (716), pp. 216–226. Available at: <http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/Vest15-716zc.pdf> (accessed on February 19, 2024). (In Russ.)
16. Os'minina E. A. Church Slavism in the Autobiographical Cycles of V. A. Nikiforov-Volgin. In: *Russkaya rech'* [Russian Speech], 2016, no. 2, pp. 26–31. Available at: <https://russkayarech.ru/ru/archive/2016-2/26-31> (accessed on February 19, 2024). (In Russ.)
17. Pecherskaya T. I., Nikanorova E. K. *Syuzhety i motivy russkoy klassicheskoy literatury* [Plots and Motifs of Russian Classical Literature]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2010. 162 p. (In Russ.)
18. Plotnikova A. A. The Snow. In: *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar': v 5 tomakh* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 Vols]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2012, vol. 5, pp. 83–86. (In Russ.)
19. Rafail (Karelin), Archimandrite. On the Language of the Orthodox Icon. In: *Pravoslavnaya ikona. Kanon i stil': k bogoslovskomu rassmotreniyu obraza* [Orthodox Icons. Canon and Style: to Theological Consideration of the Image]. Moscow, Palomnik Publ., 1998, pp. 39–87. (In Russ.)
20. Sobolev Yu. V. Chekhov. Moscow, Direct-Media Publ., 2015. 501 p. (In Russ.)
21. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 tomakh. Pis'ma: v 12 tomakh* [The Complete Works and Letters: in 30 Vols. Letters: in 12 Vols]. Moscow, Nauka Publ., 1976, vol. 3: Letters, October 1888 — December 1889. 578 p. (In Russ.)
22. Epshteyn M. N. “Priroda, mir, taynik vselennoy...”: sistema peyzazhnykh obrazov v russkoy poezii [“Nature, World, Hiding Place of the Universe...”: the System of Landscape Images in Russian Poetry]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 303 p. (In Russ.)
23. Yukina E., Epshteyn M. The Poetics of Winter. In: *Voprosy literatury*, 1979, no. 9, pp. 171–204. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сузрюкова Елена Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Новосибирская православная духовная семинария (ул. Военный городок, 127, г. Обь, Российская Федерация, 633103); доцент кафедры русского языка, Новосибирский государственный технический университет (пр. К. Маркса, 20, г. Новосибирск, Российская Федерация, 630073); ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-4739-0042>; e-mail: sellns@mail.ru.

Elena L. Suzryukova, PhD (Philology), Associate Professor of the Humanities Disciplines Department, Novosibirsk Orthodox Theological Seminary (ul. Voennyi gorodok 127, Ob, 633103, Russian Federation); Associate Professor of the Department of Russian Language, Novosibirsk State Technical University (pr. K. Marksa 20, Novosibirsk, 630073, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-4739-0042>; e-mail: sellns@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.06.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.08.2024

Принята к публикации / Accepted 02.09.2024

Дата публикации / Date of publication 21.11.2024